

Изъ Подольской старины¹⁾.

VI.

С. Матвѣйковцы.—Мой предшественникъ.—Прихожане, ихъ быть и нравы.—Помѣщики.—Панъ Гадамскій.—Отношенія его къ крѣпостнымъ и ко мнѣ.—Объявленіе свободы.—Поведеніе помѣщиковъ-поляковъ.—Издѣльная повинность.—Заведеніе школы.—Подготовленіе къ польскому мятежу въ с. Матвѣйковцахъ.—Послѣ мятежа.—Контрибуція.—Благоустроеніе быта духовенства послѣ освобожденія крестьянъ.

Село Матвѣйковцы оказалось приходомъ во всѣхъ отношеніяхъ худшимъ, чѣмъ Иванковцы. Тамъ, хотя и не важное, но все же было помѣщеніе для священника, а здѣсь приходилось жить въ простой крестьянской хатѣ. Она была холодна, низка и малопомѣстительна. Жена, страдавшая страшнымъ недугомъ, поставленная въ такія неблагоприятныя гигиеническія условія, несмотря на предпринятое лѣченіе, здѣсь и скончалась въ 1858 году 26 августа. Я остался вдовцомъ. Что пережилъ, перечувствовалъ тогда, не хочу и вспоминать. Послѣ смерти жены ко мнѣ на житье переселились мать и сестра.

Церковь въ Матвѣйковцахъ была деревянная и настолько стара и ветха, что, при ремонтѣ крыша ея не выдержала еврея-подрядчика, который провалился, едва не забившись на смерть.

Въ виду того, что въ сосѣднихъ селахъ Тростянцѣ и Новомъ Свѣтѣ не было храмовъ, тамошніе священники ѣздили попеременно ко мнѣ служить и отправлять требы. Иногда мы совершали богослуженіе соборно.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

Новые прихожане мои были народъ очень распущенный, отъ церкви совершенно отвыкшій. Въ этомъ послѣднемъ, впрочемъ, не мало былъ виновенъ мой предшественникъ, священникъ Волошановичъ, не заботившійся о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ. Онъ сильно запивалъ, вслѣдствіе чего по мѣсяцамъ не заглядывалъ въ церковь. Волошановичъ отъ пьянства и погибъ. Однажды онъ въ нетрезвомъ видѣ совершилъ неблаговидный поступокъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Принадлежащій ему поросенокъ зашелъ въ чужой огородъ и сильно попортилъ его. Сотскій, человѣкъ уже старый и почтенный, изъ николаевскихъ солдатъ, пришелъ къ батюшкѣ и просилъ его не пускать своихъ свиней, чтобы не быть въ отвѣтъ и не заплатить штрафа. Батюшка былъ пьянъ, разсердился, ударилъ сотскаго и оборвалъ у него Георгіевскій крестъ. Если бы онъ возвратилъ послѣдній старику, дѣло по всей вѣроятности осталось бы въ тайнѣ; но Волошановичъ не отдалъ его, а при первой возможности спряталъ въ церкви въ щели бревна за запрестольной иконой, гдѣ при чисткѣ я уже нашелъ его. Сотскій пожаловался на священника приставу. Возникло дѣло. Волошановичу грозили судъ и значительное наказаніе, которые могли сильно повредить ему въ отношеніи службы. Онъ избѣгъ того и другого. Въ одинъ день его нашли мертвымъ. По рассказамъ жены онъ влилъ въ себя два „ока“ крѣпкаго спирту и такимъ образомъ покончилъ съ собою.

Главнымъ порокомъ, губившимъ достояніе и здоровье матвѣйковецкихъ крестьянъ, было пьянство, развитое въ сильной степени. Въ селѣ было 3 корчмы, гдѣ уже орудовали евреи, при чемъ прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы одурманить своихъ покупателей и стянуть съ нихъ лишнюю копейку. Для приданія большей крѣпости водкѣ они не стѣснялись отравлять ее табакомъ. Съ самаго поступленія на этотъ приходъ я энергично боролся съ пьянствомъ въ селѣ, но результаты получались не вполне удовлетворительные, хотя я и достигъ того, что корчмы стали закрываться въ 10 часовъ вечера, пьянство мало сократилось, и мнѣ же сопастыри угрожали строгою отвѣтственностью за мои яко-бы незаконные поступки.

Плохъ былъ Собанскій въ Хребтіевѣ, но, въ сравненіи съ помѣщиками съ Матвѣйковецъ, онъ могъ считаться хорошимъ и гуманнымъ человѣкомъ. Матвѣйковцами владѣли три помѣщика: панъ Щалковскій, панъ Небельскій и панъ Гадамскій. Это все были завзятые поляки, люди безъ имени, безъ образованія и добрыхъ традицій. Гадамскій еще немного учился въ Кременецкомъ лицѣѣ, а первые два не получили никакого школьнаго образованія.

Пану Гадамскому принадлежала середина села — дворовъ 18, и жилъ онъ вблизи церкви, а потому чаще всего происходили у меня съ нимъ и столкновения. Гадамскій былъ грубіанъ, пьяница и развратникъ.

Пьянствовалъ онъ до безобразія и до потери чувства стыда. Его можно было часто видѣть шествующимъ въ кормчу и обратно въ одной сорочкѣ безъ невыразимыхъ. Моего предшественника Волошановича собственно Гадамскій и спойлъ, а слѣдовательно и погубилъ. Думалъ онъ и со мною поступить такимъ же образомъ, но я устоялъ и при всякомъ его поползновеніи на спаваніе давалъ рѣшительный отпоръ. Бывало, идешь мимо его дома; онъ увидитъ, выбѣгаетъ и насильно тащитъ меня въ свою комнату. У него постоянно стоялъ на столѣ графинъ со спиртомъ. Усадивъ меня, онъ наливалъ громадную рюмку и заставлялъ меня пить. Я обыкновенно рѣшительно отказывался отъ предложенія, заводилъ какой-нибудь разговоръ, а потомъ, улучивъ удобную минутку, безъ прощанія покидалъ домъ помѣщика.

Въ пьяномъ видѣ онъ допускалъ много безобразій. Иногда заходилъ въ церковь съ трубкою въ рукахъ. Много приходилось употреблять усилій, чтобы какъ-нибудь выпроводить изъ храма пьянаго самодура.

Страшно онъ и развратничалъ, хотя и имѣлъ жену и сына. Кажется, не было ни одной его крѣпостной дѣвицы, которая не стала бы его жертвою. Отъ многихъ онъ имѣлъ и дѣтей. Время было безправное, а потому его каверзы почти всегда сходили съ рукъ, и забитые крестьяне примирялись съ фактами. Помнится такой случай. Въ Матвѣйковцахъ жилъ мельникъ, имѣвшій дочку, отличавшуюся красотой и здоровьемъ. Гадамскій часто подговаривался къ ней, но безъ успѣха, а потому онъ рѣшилъ дѣйствовать насиліемъ. Былъ Свѣтлый праздникъ. Весь народъ и старый и малый, закусивши „свяченнымъ“, собрался по обыкновенію около церкви. Молодежь обоого пола справляла такъ называемую „гаивку“¹⁾, а старые, воспользовавшись праздничнымъ отдыхомъ,

¹⁾ Подъ именемъ „гаивка“ въ Малороссіи извѣстенъ обычай собираться въ первые дни Пасхи на церковномъ погостѣ и производить особаго рода игры около церкви. Молодые люди обоого пола танцуютъ особенный, такъ называемый „кривой“ танецъ и поютъ гаивочныя пѣсни. По содержанію этихъ пѣсней и по устному преданію можно заключать, что обычай этотъ установился въ то время, когда еще была въ Малороссіи унія, и малороссы находились подъ владычествомъ поляковъ. Тогда, какъ извѣстно, поляки отдавали правосл. церкви на откупъ евреямъ, иногда содержавшимъ и кормчу. Безъ разрѣшенія арендатора, у котораго находились и ключи, ни-

бесѣдовали между собою, любовались на игры и играющихъ, вспоминали бывшее. Здѣсь же, конечно, была и приглянувшаяся пану дѣвушка съ своими родителями и родственниками. Узнавши, что она около церкви, Гадомскій высылаетъ туда своихъ „возьмителей“, которые являются туда, незамѣтно и неожиданно выхватываютъ ее изъ круга играющихъ и тащатъ къ помѣщику.

Она, конечно, закричала благимъ матомъ. Крестьяне начали догадываться, въ чемъ дѣло, поднялись и пустились въ догонку за похитителями. Явились во дворъ къ пану; но было уже поздно. Они были лишь невольными свидѣтелями гнуснаго поступка своего властелина. Отъ этой дѣвушки Гадомскій имѣлъ дѣвочку.

Прижитыя дѣти обыкновенно бросались Гадомскимъ на произволь судьбы, и только на нѣкоторыхъ онъ обращалъ вниманіе и пристраивалъ. Нѣсколько дѣвочекъ по достиженіи ими извѣстнаго возраста были выданы замужъ. На одной былъ даже женатъ одинъ полякъ, чиновникъ Заницкій. Это тоже былъ интересный субъектъ. Когда я прибылъ на приходъ, у него трое дѣтей оказались некрещеными. Очевидно, проволочкой времени онъ хотѣлъ ихъ окатоличить, обойти законъ, по которому дѣти, рожденныя отъ православной матери, должны были воспитываться въ православіи. Мнѣ донесли о дѣйствіяхъ Заницкаго, и я письменно потребовалъ отъ него, чтобы онъ представилъ своихъ дѣтей къ крещенію. Тотъ сначала не соглашался, думалъ подкупить меня, давши 10 рублей, но я оставался непреклоненъ. Видя, что ничто на меня не дѣйствуетъ, и что ему придется окрестить дѣтей по православному обряду, онъ смирился и только заявилъ: „Не хочу, чтобы крестилъ этотъ попъ. Пусть пріѣдетъ изъ Новаго Свѣта“. Меня же просилъ быть лишь воспріемникомъ дѣтей. Я долженъ былъ согласиться на его желаніе. Крестили, конечно, черезъ погруженіе. Двухъ младшихъ еще не трудно было погружать, что же касается старшаго, которому было

кто не имѣлъ права отпереть церковь. Въ одномъ селѣ люди собрались къ церкви на Свѣтлый праздникъ. Церковь заперта и ключей нельзя достать, потому что еврей-арендаторъ со всѣмъ семействомъ и родственниками поѣхалъ въ мѣстечко на „шабашъ“. Бѣдные крестьяне рады были бы, чтобы батюшка хоть освятилъ хлѣбъ и яства, но и ризы и св. вода въ церкви. Уже и солнышко взошло, а люди все ждутъ около церкви. Разъ 10 посылали посмотреть, не ѣдетъ ли еврей, нѣтъ... Наконецъ арендаторъ со всѣмъ своимъ „кодломъ“ показывается съ горы. Крестьяне съ радости издали еще кланяются ему, привѣтствуютъ: панагабугъ (помогай Боже) и просятъ ключей отъ церкви. Во время „гаивки“ поется и доселѣ такая пѣсня: „Йіде Жельманъ, йіде, йіде его братъ, йіде, йіде Жельманова, і братава, і вся родыва пана Жельмана“ (Зельмана).

не менѣе четырехъ лѣтъ, то его пришлось крестить въ 4 руки; онъ махалъ руками и ногами.

Женѣ Гадомскаго трудно было жить съ нимъ. Будучи человекомъ вообще неуживчивымъ, во хмелю онъ былъ невозможенъ, издѣвался всячески надъ женою и въ пьяномъ видѣ наводилъ на нее прямо страхъ. Спали они въ разныхъ комнатахъ. Для успокоенія себя Гадомская взяла было себѣ служанку, но онъ настоялъ на томъ, чтобы послѣдней не было при ней. Впрочемъ, Гадомская не выдержала долго поведенія мужа и сбѣжала отъ него. Ближайшимъ поводомъ къ такому поступку послужилъ слѣдующій случай. Однажды умирала одна крестьянка изъ крѣпостныхъ Гадомскаго. Узнавъ, что жены нѣтъ дома, онъ задумалъ подшутить надъ ней; приказалъ перенести мертвую женщину и поставить ее въ углу въ комнатѣ жены. Та вечеромъ, ничего не подозрѣвая, входитъ къ себѣ и видитъ мертвеца. Ужасъ ея былъ настолько великъ, что она тутъ же упала въ обморокъ, на другой же день съ сыномъ уѣхала къ родственникамъ и болѣе уже не возвращалась къ мужу, а черезъ нѣсколько времени получила формальный разводъ,

Я всегда горячо отстаивалъ интересы крѣпостныхъ пана Гадомскаго, ни въ чемъ не уступалъ ему, а потому онъ страшно не взлюбилъ меня. Часто происходили у насъ столкновения, доходившія иногда до перебранки. Гадомскій нерѣдко прямо ни съ того, ни съ сего выйдетъ на горбокъ предъ своимъ домомъ и, видя меня на противоположномъ горбкѣ, кричитъ: „попъ такой, сякой!..“ Погрозишь ему въ отвѣтъ кулакомъ и поневолѣ скрываешься въ хату, чтобы не наскочить на большій скандалъ и не скомпрометтировать себя предъ прихожанами. Онъ въ раздраженіи и опьяненіи способенъ былъ прибѣгать ко мнѣ и вступить въ драку.

Понятно, что такой помѣщикъ не могъ относиться даже по-человѣчески къ своимъ крѣпостнымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на вьючныхъ животныхъ, помимо барщины бралъ у нихъ все, что хотѣлъ. Понравится ему воликъ, беретъ, понравится лошадка—тоже, не гнушался и веревкой и самодѣльной „спідныцей“. Въ этомъ случаѣ онъ руководился и оправдывался однимъ самоизмышленнымъ закономъ: „то мое. Ты мой и все, что ты имѣешь, тоже мое“. Большинство помѣщиковъ сами платили определенное количество оброковъ за своихъ крѣпостныхъ, а наши не хотѣли этого дѣлать. Въ виду всего этого народъ въ Матвѣйковцахъ былъ крайне бѣденъ.

Помѣщики—ляхи, кромѣ того сильно унижали своихъ крѣпостныхъ. Напр. я засталъ такой обычай, что вступающіе въ бракъ наканунѣ вѣнчанья ходили къ евреямъ на поклонъ, при этомъ

несли имъ курицу. Мало того они кланялись имъ въ ноги и цѣловали руки. Еврей угощаль ихъ дешевой, сдобренной табакомъ, водкой. Зачѣмъ? „Такъ панъ велѣлъ: его воля“. По прїѣздѣ своемъ, какъ только узналъ объ этомъ обычаѣ, запретилъ прихожанамъ такъ унижаться. Евреи были очень недовольны моимъ распоряженіемъ; они начали ходить ко мнѣ и говорили: „зачѣмъ вы запретили ходить?.. Развѣ вамъ жалко, если хлопы принесутъ намъ куру? Чѣмъ мы будемъ теперь жить?..“

Впрочемъ, панскому произволу близился конецъ. Подходилъ памятный въ русской исторіи 1861 годъ. Еще ранѣе начали ходить упорные слухи о приближеніи дарованія „свободы“. Какъ-то въ мартѣ мѣсяцѣ (въ вел. постъ) я былъ у сосѣдняго священника и переночевалъ у него. Не успѣлъ я еще подняться съ постели, какъ изъ Матвѣйковоцеъ прибылъ посланецъ съ извѣстіемъ, что становой приставъ просилъ быть рано утромъ въ церкви, такъ какъ нужно читать какой-то манифестъ. Я сейчасъ же сѣлъ на своихъ лошадей и поѣхалъ домой. Пристава еще не было. Спѣшу въ церковь. Гадомскій какъ разъ идетъ навстрѣчу.

— А чего, ксенже, въ церковь идетъ?—заговорилъ онъ польски.

— Слышно, что скоро прїѣдетъ приставъ и объявитъ людямъ свободу,—отвѣтилъ я.

— Того и быть не можетъ,—возразилъ онъ и, быстро повернувшись, пошелъ въ свой дворъ, откуда я скоро услышалъ его распоряженіе, чтобы его крѣпостные немедленно шли молотить хлѣбъ.

Въ церкви мнѣ пришлось ждать около часу. Наконецъ, прїѣхалъ помощникъ пристава и оповѣстилъ селянъ, чтобы всѣ они немедленно собирались въ церковь. Дѣйствительно, скоро она наполнилась крестьянами обоого пола и разнаго возраста въ одеждѣ, въ какой застало ихъ распоряженіе, а крѣпостные Гадомскаго, какъ ни странно, даже съ цѣпами въ рукахъ. Было уже часовъ 11 дня. Отслуживши благодарственный молебенъ, я внятно прочиталъ манифестъ — объявилъ свободу, послѣ чего сказалъ прихожанамъ на малороссійскомъ понятномъ имъ языкѣ приличное случаю поученіе. Въ церкви стоялъ шумъ и стонъ отъ рыданій радости. Вѣковыя цѣпи спали съ плечъ русскаго народа. Несмотря на свою нравственную испорченность, матвѣйковоцкіе крестьяне это радостное событіе ознаменовали рѣшеніемъ капитально отремонтировать свою ветхую церковь, на что ассигновали по единодушному согласію по 2 рубля съ души, кромѣ того, купили хоругви, давали на молитвы за Царя-Освободителя.

Объявленіе свободы очень не нравилось помѣщикамъ. Нашъ приставъ даже и пострадалъ, и за что? Когда въ канцеляріи его полученъ былъ пукъ листовъ съ манифестомъ, перевязанный шнуркомъ, онъ, показывая на этотъ шнурокъ и разрѣзывая его, сказалъ: „этою веревкою Царь развязалъ руки крестьянъ, а связалъ помѣщиковъ“. Слова эти дошли до слуха помѣщиковъ, которые написали по начальству бумагу, обвиняя пристава въ томъ, что онъ-де возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Было по этой жалобѣ особое слѣдствіе; пристава, впрочемъ, не лишили должности.

На нашего Гадомскаго манифестъ объ освобожденіи крестьянъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить совершившемуся, ходилъ, какъ сумасшедшій, и еще болѣе сталъ запивать. Разъ встрѣчаетъ меня, схватываетъ за руку и тянетъ къ себѣ въ домъ. Былъ онъ, положимъ, очень пьянъ. Я вошелъ за нимъ. Онъ вдругъ схватываетъ со стола большой ножъ и, смотря въ зеркало, подноситъ къ горлу со словами: „хорошо ли будетъ, если я зарѣжусь?“ Потомъ набросился на меня и началъ кричать: „ты москаль!.. За москалями тянешь... Это москаль Александръ насъ сгубилъ... Онъ насъ съѣлъ“... Далѣе послышались грубыя выраженія по адресу Императора. „Я зарѣжусь“... иногда выкрикивалъ Гадомскій. Видя, въ какомъ состояніи онъ находится въ данную минуту, и сознавая, что это лишь одни слова, я сказалъ: „рѣжьтесь, только не при мнѣ“, и ушелъ, боясь, чтобы онъ въ изступленіи не ударилъ меня.

Послѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и всѣ вообще поляки-помѣщики заволновались, и тогда уже заговорили о польскомъ крулѣ. Разъ они собрались въ Каменецъ на выборы. Здѣсь они между прочимъ выработали и написали адресъ, въ которомъ высказывали Императору Александру II свое недовольство за то, что онъ несправедливо поступилъ съ ними, обидѣлъ ихъ, отнявъ у нихъ собственность—крестьянъ. Адресъ предположено было представить чрезъ губернатора Брауншвейга.

Послѣдній былъ еще человѣкъ не старый и рѣшительнаго характера. Онъ, какъ только узналъ о затѣѣ польскихъ пановъ, приказалъ солдатамъ окружить зданіе дворянскаго собранія, гдѣ они находились. Произошелъ сильный переполохъ, и бывшіе здѣсь по обыкновенію пустились „до лясу“, кто чрезъ окно, кто въ заднія двери.

Впрочемъ и среди русскихъ были люди недовольные манифестомъ. Въ села являлись агитаторы, которые проповѣдывали, что данная свобода не полная и потому не слѣдуетъ подчиняться распоряженіямъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ это были студенты. Переодѣвшись въ казацкую одежду, они ходили по корчмамъ

и вообще по мѣстамъ, гдѣ собиралось много празднаго народа, и произносили рѣчи. „Братья, приставайте къ намъ... будемъ вся казаками“... и тогда было приглашеніе бить пановъ, поповъ и евреевъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, дѣйствительно, склонялись на слова непризванныхъ учителей и не хотѣли приставать „на грамоты“, какъ говорили. Мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы удержать крестьянъ отъ незаконныхъ дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ происходили настоящіе крестьянскіе бунты. Какъ извѣстно, „положеніе о крестьянахъ“ было издано въ листочкахъ, которыхъ было довольно много. Изложеніе ихъ было темное, такъ что трудно было въ нихъ разобратъся, особенно людямъ темнымъ. Сверху cadaго листочка было напечатано: „Быть по сему“, а внизу: „Графъ Блудовъ“. Эта послѣдняя подпись между прочимъ породила нѣкоторыя недоразумѣнія въ крестьянахъ. Одинъ дьячекъ ходилъ по селамъ и побуждалъ населеніе не слушать опубликованнаго манифеста и, показывая листы, говорилъ: „видите... Блудовъ вѣнъ наблудывъ“ (надѣлалъ ошибокъ, неправильностей), а будетъ другой указъ, по которому вамъ больше земли дадутъ“... Этого дьячка полиція схватила. Слова его тѣмъ не менѣе произвели свое дѣйствіе, и въ селѣ Радковицахъ крестьяне взбунтовались. Даже не было и внѣшнихъ побужденій къ тому, потому что помѣщики (2 брата) были люди съ университетскимъ образованіемъ, гуманные и давали крестьянамъ больше земли, чѣмъ полагалось.

Разъ я поѣхалъ для совершенія богослуженія въ с. Хмелевку, гдѣ былъ наблюдающимъ за отсутствіемъ тамъ священника. Послѣ утрени я вышелъ изъ церкви. Смотрю, вблизи лежатъ на травѣ солдаты, а возлѣ нихъ офицеръ, оказавшійся моимъ знакомымъ капитаномъ Андреевымъ. Разговорились. Оказалось, что они шли „драть крестьянъ въ Радковицу“. Въ скоромъ послѣ того времени я встрѣтился съ нимъ, и онъ разсказалъ, какъ было тамъ дѣло. Пришли солдаты. Крестьяне были собраны. Капитанъ распорядился: „лозь!“ Солдаты моментально притащили громадныя пуки лозъ.

„Возьми его“, указалъ онъ на перваго попавшагося мужичка. Тотъ въ ноги, плачетъ горькими слезами: „простите, ваше высокородіе, не буду“... „Пустите его“... „Слѣдующаго“... То же самое и т. д. Такимъ образомъ не пришлось никого бить, и бунтъ былъ усмиренъ. Народъ, конечно, бунтовалъ по своей глупости, темнотѣ.

Послѣ объявленія воли вышло распоряженіе заводить школы. Надежда на содѣйствіе въ этомъ отношеніи нашихъ помѣщиковъ была плохая. Пришлось обо всемъ позаботиться самому. Представилась необходимость въ книжкахъ и пособіяхъ для обученія. Во время пребыванія въ Каменцѣ я рѣшилъ обратиться съ просьбою

отпустить нужныя книги къ губернатору Брауншвейгу. Онъ принялъ меня довольно благосклонно. Выслушавъ мою просьбу, онъ заявлялъ, что такихъ книгъ не имѣеть, а можетъ дать денегъ на пріобрѣтеніе ихъ, при чемъ вручилъ мнѣ 5 рублей. Помѣщеніе нашлось, учительствовать думалъ самъ. Дѣло оказалось за учениками. Въ виду существованія издѣльной повинности, отъ которой не были освобождены и дѣти школьнаго возраста, я написалъ пану Небельскому письмо, въ которомъ просилъ его дать списокъ дѣтей школьнаго возраста и предлагалъ посылать ихъ въ новооткрытую школу. И этотъ панъ показалъ себя съ худой стороны. Онъ захотѣлъ посмѣяться надо мною и представилъ списокъ дѣвицъ въ возрастѣ отъ 16—18 лѣтъ. Меня, какъ человѣка вдоваго, обидѣла эта выходка. Я тотчасъ же пошелъ объясняться къ Небельскому. „Что вы за глупости пишете? Я васъ просилъ дать мальчиковъ, а вы что представили? Все это возрастныя дѣвицы, которымъ замужъ выходить пора“. Панъ лишь нагло смѣялся. Я плюнулъ и, хлопнувъ дверью, вышелъ. Небельскій озлился на меня и даже написалъ архіерею жалобу на такія мои, оскорбительныя для него, дѣйствія. Архіерей сдалъ бумагу въ консисторію, которая предписала благочинному разузнать все. Благочинный, не производя формальнаго слѣдствія, потребовалъ отъ меня письменнаго объясненія. Несмотря на то, что разговоръ мой съ Небельскимъ происходилъ съ глазу на глазъ, я ничего не утаилъ и представилъ дѣло такъ, какъ оно произошло, не умолчалъ даже и о томъ, что нагрубилъ ему, хлопнулъ дверью и плюнулъ. Консисторія это дѣло оставила безъ послѣдствій, а, можетъ быть, и прямо спрятала подъ сукно. По крайней мѣрѣ, когда я уже былъ экономомъ семинаріи, столоначальникъ консисторіи по суднымъ дѣламъ въ шутку пугалъ меня: „а ваше дѣло еще не кончено!“...

Выше я упомянулъ объ издѣльной повинности. По опубликованному „Положенію о крестьянахъ“ помѣщики обязывались отводить своимъ бывшимъ крѣпостнымъ усадебную и полевою землю въ постоянное пользованіе. За предоставленныя имъ надѣлы крестьяне обязывались выполнять „издѣльную повинность“ своимъ бывшимъ помѣщикамъ работою или же деньгами. Наши помѣщики-поляки очень злоупотребляли этимъ временно даннымъ имъ правомъ. Такъ, крестьяне должны были идти на работу къ помѣщику и сдѣлать за день то, что имъ будетъ назначено, но на дѣлѣ выходило, что данной урочной работы никакой человѣкъ не могъ выполнить и въ два дня. Положимъ, даютъ урочную работу сдѣлать „драбины“ къ сноповой телѣгѣ (возу). Нужно было сначала выбрать изъ предоставленнаго матеріала подходящее дерево (ясень по преимуществу).

распилить его на четыре части и каждую вытесать въ шесть граней, потомъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ, перечки, выдолбить дыры, сколотить „драбины“, т. е. работу, для выполненія которой необходимо два дня. Въ нашемъ краю это право издѣльной повинности, впрочемъ, существовало недолго, такъ какъ со времени польскаго мятежа помѣщики, по преимуществу поляки, лишены были этой привилегіи.

Дѣло польскаго мятежа готовилось постепенно. Къ нему готовились и наши помѣщики-поляки. Но всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ отношеніи до мятежа не вызывали опасеній и поняты были лишь послѣ обнаруженія мятежа и его подавленія. Я собственными глазами изъ окна своей квартиры часто наблюдалъ, какъ наши помѣщики съ родственниками и лакеями собирались верхомъ на лошадяхъ на опушкѣ лѣса за селомъ, гарцевали, производили примѣрные сраженія. У нихъ былъ особенный командиръ-сержантъ гвардіи, который обучалъ ружейнымъ приѣмамъ. Женскій же персоналъ, какъ передавали мнѣ, занимался дерганьемъ корпіи. Съ нашимъ матвѣйковецкимъ импровизированнымъ отрядомъ мнѣ нечаянно пришлось встрѣтиться. Я даже струхнулъ, потому что предполагалъ наскочить на непріятности со стороны озлобленныхъ поляковъ. А въ данное время они были очень недовольны на меня за то, что я не хотѣлъ держать ихъ сторону. Стремясь къ достиженію своихъ цѣлей, поляки вооружали и возбуждали противъ Россіи не только польское, но даже и чисто русское населеніе. Думали они и во мнѣ найти сторонника и человѣка сочувствующаго ихъ исканіямъ. Однажды они подбросили даже мнѣ письмо съ предложеніемъ встать на ихъ сторону. Въ другой разъ пріѣзжалъ ко мнѣ родственникъ помѣщика Щалковскаго, Богущкій, недоучка, молодой человѣкъ, носившій чемерку со шнурками и конфедератку, ходившій въ лакированныхъ сапогахъ, за которые были забраны панталоны. Этотъ Богущкій въ разговорѣ со мною началъ издалека подходить, желая узнать мое настроеніе. Я скоро понялъ, къ чему клонится дѣло, и молчалъ, давая возможность ему высказаться вполнѣ. Видя, что меня трудно изловить на словѣ, Богущкій тогда прямо предложилъ мнѣ взять ихъ сторону и располагать своихъ прихожанъ помочь побѣдить ненавистную Россію. При этомъ онъ обѣщалъ, что и мужикамъ и ксендзу, т. е. мнѣ, будетъ дано больше земли. Я, конечно, рѣшительно отказался отъ его предложенія и доказывалъ всю неосновательность и опасность, и неосуществимость польскихъ затѣй. Богущкій уѣхалъ ни съ чѣмъ. Мнѣ же пришлось зорко слѣдить за настроеніемъ своихъ прихожанъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегать ихъ отъ польскихъ замысловъ и уговаривать не вставать на ихъ сторону.

Послѣ бесѣды съ Богучкимъ матвѣйковецкіе помѣщики, ихъ родичи и знакомые начали вызывающе дѣйствовать по отношенію ко мнѣ. Разъ я ѣду въ поле на своихъ лошадяхъ, запряженныхъ въ натачанку. Едва я достигъ конца своего поля, какъ встрѣчаю нѣсколькихъ всадниковъ. Оказалось, что это 3 молодыхъ сына помѣщика съ лакеями. Подъѣзжаютъ ближе и насмѣшливо привѣтствуютъ: „Наше шанованье, ксендзу!“ Потомъ кто-то изъ нихъ выкрикнулъ: „А что, ксендже, бендзе?“ „Что будетъ, то увидимъ“, говорю. „Скоро ксендзу бороду оголятъ“. Меня это возмутило, я не удержался и сказалъ: „скорѣе вамъ лбы обреютъ“, и ударилъ по лошадямъ. Вслѣдъ услышалъ лишь по своему адресу проклятiя и ругательства и, чтобы болѣе не встрѣчаться съ шелопаями, возвратился домой другою дорогою.

Въ другой разъ я былъ около церкви, которая ремонтировалась на собранныя крестьянами деньги. Подъѣзжаетъ Градовскій, зять Щалковскаго, офицеръ русской службы, и спрашиваетъ:

— „Что вы дѣлаете?“ Я объясняю. „Но зачѣмъ вамъ починять церковь?“ „Какъ зачѣмъ?“ „Да изъ этой церкви скоро каплица будетъ“, говоритъ онъ. „Когда?“... „Скоро“. „Пока что будетъ, а поправлять церковь мы будемъ“, замѣтилъ я.

Вмѣстѣ съ поляками подняли голову и евреи. Бывало, идешь по мѣстечку и слышишь, какъ изъ-за угла кричатъ тебѣ: „гой, галахъ, кудлатый песъ!“ Священники тогда боялись заходить въ лавки, чтобы въ присутствіи крестьянъ не подвергнуться оскорбленіямъ и насмѣшкамъ со стороны евреевъ.

Много способствовало подготовкѣ къ мятежу католическое духовенство. Ксендзы по костеламъ говорили зажигательныя рѣчи, настаивали къ рѣшительнымъ мѣрамъ своихъ фанатичныхъ слушателей, подчиняющихся имъ безпрекословно. Мнѣ самому лично пришлось случайно выслушать одну изъ такихъ проповѣдей. Недалеко отъ о. Матвѣйковецъ въ М. Городкѣ обыкновенно ежегодно происходилъ католическій отпускъ въ честь Антонія Падуанскаго, привлекавшій множество народу иногда изъ далекихъ мѣстъ. Въ противовѣсъ католикамъ и для отвлеченія православнаго населенія Городецкій священникъ устраивалъ въ своемъ храмѣ православное торжество и для сослуженія приглашалъ сосѣднихъ священниковъ, въ числѣ ихъ и меня. Въ костелѣ были даже заграничныя (изъ Австріи) ксендзы. Костелъ въ Городкѣ былъ малый и не могъ вмѣстить собиравшихся въ громадномъ количествѣ католиковъ, а потому послѣ совершенія „мши“ (мессы) и разныхъ церемоній, „казаня“ (поученія) говорились съ крыльца подъ открытымъ небомъ. И вотъ ксендзъ, назначенный для ея произношенія, громко

выкрикивалъ: „не слушайте правительства, москалей, будетъ другая свобода, будутъ давать золотыя грамоты, приставайте къ намъ“ и др. въ томъ же родѣ.

Вообще для польскаго дѣла ксендзы работали очень дѣятельно. Они даже въ мелочахъ помогали своимъ единовѣрцамъ, пасомымъ и чисто по-іезуитски не разбирали средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Много они производили обмановъ, подлоговъ для того, чтобы услужить полякамъ. Кстаті сказать, мнѣ извѣстенъ случай, когда, благодаря ксендзамъ, полякъ, подлежащій призыву, избѣгъ солдатчины. Жилъ нѣкто Иванъ Коваль—полякъ. У него былъ сынъ Стефанъ. Послѣдній зналъ грамоту и имѣлъ очень красивый почеркъ, что помогло ему выйти сначала въ подписари казеннаго имѣнія, а по упраздненіи его въ писаря губернскаго предводителя дворянства—Лиснѣвича. Въ это именно время онъ долженъ былъ поступить въ солдаты по своему селу. Старшина Бамбуля, узнавши о его мѣстопребываніи, взялъ съ собою писаря и поѣхалъ въ Каменецъ на розыски рекрута. Явились въ канцелярію предводителя дворянства, но не застали Коваля. Пришлось явиться въ его квартиру. Стефанъ Коваль оказался дома и спросилъ старшину о причинѣ ихъ прибытія. Тѣ, ничего не скрывая, прямо заявили: „Степане, треба тобі йти съ нами, такъ какъ ты подлежишь по набору солдатчинѣ“.

— Кто? я?.. Я дворянинъ... рѣшительно заявилъ тотъ.

— Ты дворянинъ? Давно-ли?.. съ недоумѣніемъ спрашивали тѣ. Ты же сынъ Ивана Коваля изъ нашего села.

— Я—дворянинъ Леонъ Ковальскій—и съ этими словами вышелъ въ другую комнату и чрезъ минуту принесъ какія-то бумаги.

— Смотрите сами, если грамотны... Я—Леонъ Ковальскій, а вы шукайте (ищите) себѣ Стефана Коваля.

Писарь, дѣйствительно, увидѣлъ, что это документъ на дворянское достоинство, и имъ пришлось уѣхать ни съ чѣмъ. Оказалось, что ксендзы дали Стефану Ковалю по его просьбѣ подложныя бумаги, метрику, по которой онъ причислялся къ дворянскому сословію.

Въ январѣ 1863 года, какъ извѣстно, послѣ продолжительныхъ приготовленій открылось въ Варшавѣ возстаніе поляковъ. Объ этомъ стало скоро извѣстно и въ с. Матвѣйковцахъ. Разъ ночью, когда всѣ еще спали, я былъ разбуженъ громкимъ стукомъ въ двери и крикомъ. Оказалось, что это сотскій явился съ повѣсткой, въ которой было написано, что въ Варшавѣ поляки вырѣзали русскихъ солдатъ, и предписывалось собрать крестьянъ и отслужить молебствіе.

Послѣ этого полиція начала дѣятельно производить обыски у подозрѣваемыхъ полячковъ. Многіе изъ жившихъ въ с. Матвѣйковцахъ куда-то неожиданно скрылись.

Отряды бунтовщиковъ разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Западной Россіи, проникали они и на Воынь и въ Подолію. Въ виду того, что народъ въ большинствѣ не сочувствовалъ возстанію съ одной стороны, а съ другой—благодаря строгимъ правительственнымъ мѣрамъ, мятежь скоро потухъ. И въ нашей мѣстности поднявшіе было голову поляки и евреи смирились особенно послѣ того, какъ вышло распоряженіе раздать крестьянамъ оружіе для подавленія волненій. Не минуло это распоряженіе и наши Матвѣйковцы. Помню, разъ въ субботу послѣ Троицына дня одна прихожанка пригласила меня на домъ отправить елеосвященіе надъ ея больною матерью. По окончаніи его возвращаясь домой, я проходилъ мимо сельской кузницы. Смотрю, около нея собралась значительная толпа крестьянъ. Меня заинтересовало это. Я подошелъ ближе и послѣ привѣтствія спросилъ: „Что вы дѣлаете, люди?..“ Смотрю черезъ заборчикъ, тамъ лежитъ цѣлая куча пики. „Что такое?“ спрашиваю снова уже въ недоумѣніи. Крестьяне тотчасъ же удовлетворили мое любопытство. „Приказано пики дѣлать... на поляковъ идемъ“... Я понялъ, въ чемъ дѣло. Всмотрѣвшись ближе, узналъ и какого сорта это оружіе. Оказывалось, что оно представляло изъ себя обыкновенные наральники. Кузнецъ дѣлалъ то, что умѣлъ. Эти доморощенные, такъ сказать, пики надѣвались на деревянные древки. Посмѣялся я въ душѣ надъ этимъ страшнымъ оружіемъ и, попрощавшись съ присутствующими, продолжалъ свой путь домой. Здѣсь я засталъ сосѣдняго священника. Пока готовилась закуска, мы разговорились, и я сообщилъ ему о томъ, что только-что видѣлъ. Тотъ, видимо, заинтересовался моимъ сообщеніемъ и живо спросилъ: „Пики роблятъ?.. Я куплю“... Отъѣзжая домой, онъ, дѣйствительно, нарочно завернулъ въ кузницу и купилъ пику за 15 коп., тутъ же надѣлъ ее на древко и заложилъ въ шарабанъ. Потомъ рассказывалъ, что за селомъ онъ встрѣтилъ цѣлую кавалькаду всадниковъ: то были родственники и гости нашихъ помѣщиковъ. Батюшка былъ человекъ, хотя старій, но бѣдовый. Онъ всталъ на свой шарабанъ и, потрясая прибрѣтенной пикою, кричалъ: „ляховъ буду колоть!“ Конечно, это была шутка со стороны стараго человека; но встрѣтившіеся съ нимъ приняли это въ серьезъ и даже занесли жалобу на него приставу, называя священника бунтовщикомъ.

Нѣсколько позднѣе, когда мятежники принуждены были укрываться въ лѣсахъ, для преслѣдованія ихъ начали раздавать кре-

стьянамъ запасныя ружья. На село Матвѣйковцы пришлось 10 шт. старыхъ курковыхъ ружей, которыя были въ неисправности и, кажется, скорѣй могли нанести вредъ стрѣлявшему, чѣмъ преслѣдуемому. Между тѣмъ на нашихъ мятежниковъ эта мѣра произвела сильное впечатлѣніе, и они окончательно притихли, перестали вести себя вызывающе. Однажды я встрѣтилъ послѣ того упомянутыхъ выше шелопаевъ и спрашиваю: „кому обрили голову?“...

— А что же дѣлать, когда хлопамъ раздали оружіе? заговорили они.

Я разсмѣялся и говорю:

— То вы такіе храбрые!.. Испугались ружей!.. Да вѣдь изъ нихъ и стрѣлять-то нельзя.

Послѣ подавленія мятежа поляки потеряли къ себѣ всякое довѣріе. Ихъ не назначали уже на отвѣтственныя должности въ краѣ. Мировыхъ посредниковъ выбирали уже изъ русскихъ.

Для того, чтобы возбудить большую ненависть къ русскимъ и на почвѣ религіознаго чувства ксендзы разрѣшали вскорѣ послѣ подавленія мятежа продавать на базарахъ эмблемы: иконки Божіей Матери съ 7 мечами въ сердцѣ, которые якобы вонзили „москаля“, сломанные латинскіе кресты (съ отломаннымъ кускомъ на перекрестѣ и вверху). Это означало, что русское владычество сломало вѣру польскую, католическую, которая лучше и выше православной.

Поляки поплатились матеріально за свой мятежъ. Съ нихъ стали взыскивать „контрибуцію“. Поляки-помѣщики сильно возставали противъ нея и не желали добровольно платить назначеннаго каждому изъ нихъ количества денегъ. Многіе, впрочемъ, не имѣли средствъ, потому что потратили ихъ на поддержаніе мятежа. Въ виду этого полиціи приходилось для взысканія „контрибуціи“ прибѣгать къ публичной продажѣ чего-либо изъ принадлежащаго полякамъ, преимущественно живого, инвентаря: лошадей, коровъ, овецъ, свиней и пр. Обыкновенно пріѣзжалъ въ село приставъ, вмѣстѣ съ представителями мѣстной полиціи (сельской) захватывали у недоимщика подходящее и продавали съ молотка. Оцѣнка была очень низкая. Иногда лошадей, стоящихъ 500 рублей и дороже, оцѣнивали въ 100 рублей, и такъ какъ никто больше не давалъ, и продавали за эту цѣну.

Брали „контрибуцію“ даже и съ тѣхъ поляковъ, которые не участвовали въ мятежѣ. Былъ въ Матвѣйковцахъ одинъ посессоръ, арендовавшій за 300 руб. у Гадомскаго 90 десятинъ земли. Раньше онъ служилъ по акцизу, скопилъ немного и взялъ посессию. Жилъ онъ очень бѣдно. Съ него причиталось „контрибуціи“ 11 рубл., но

онъ и того не могъ уплатить къ сроку. Въ возмѣщеніе недоимки у него забрали единственную (не рабочую) трехгодовалую кобыличку, стоившую не менѣе 50 руб. Оцѣнили ее приставъ въ 10 руб. Одинъ крестьянинъ набавилъ нѣсколько копѣекъ, еврей—цѣлый рубль, а дальше уже никто не пошелъ, и хорошая лошадка пошла за 11 рублей. Бѣдный посессоръ даже зарыдалъ. Обыкновенно покупателями съ публичнаго торга были евреи, имѣвшіе денежные средства и вслѣдствіе этого наживавшіеся на счетъ своихъ друзей, поляковъ.

Послѣ паденія крѣпостного права духовенство вообще совершенно освободилось отъ унижительной зависимости своей отъ пановъ - католиковъ. Быть его началъ постепенно благоустроиться. Въмѣсто натуральной обработки церковной земли крестьяне должны были по предписанію начальства уплачивать по соглашенію извѣстное количество денегъ. Крестьяне, положимъ, давали немного на указанный предметъ, напр. въ Матвѣйковцахъ лишь 50 руб., когда на обработку всей земли требовалось не менѣе 100 руб., но уже въ 1865 г. назначено было содержаніе духовенству на счетъ 65 тысячъ, отпущенныхъ въ пособіе ему изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній. Благосостояніе священниковъ очень много зависѣло отъ отношенія и расположенія къ нимъ прихожанъ. Мнѣ, напр., совсѣмъ мало стоила обработка земли. Бывало выйдешь на поле, пора уже скосить овесъ. Къ вечеру возвращается мимо толпа моихъ прихожанъ съ работы по найму отъ помѣщика. Я говорю имъ: „помогите, братцы, скосите овесъ“... „Хорошо, батюшка! Давайте по чаркѣ“. Дашь имъ выпить, закусить—и мигомъ скосили овесъ или что-нибудь другое.

Въ 1866 году прихожане построили мнѣ и плохенькій домикъ въ 3 комнаты съ кухней, но въ немъ не пришлось мнѣ долго жить, такъ какъ я перешелъ на службу въ г. Каменецъ.

В. Сл. и Ө. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

